

Валерий Граждан

**НЕВОЗВРАЩЕНЦЫ
НА ЛУНЕ**

Морские истории и байки

Валерий Граждан

Невозвращенцы на Луне

«Горизонт»

2008

Граждан В. А.

Невозвращенцы на Луне / В. А. Граждан — «Горизонт»,
2008 — (Морские истории и байки)

ISBN 978-5-906858-45-0

Книга для тех, кто любит море, таёжные приключения и простой для понимания русский язык. Если что-то покажется фантастикой, то так и воспринимайте. Хотя изначально «из пальца не высосано» практически ничего. Так, разве что, в изложении для пересказа в кают-компании и чашечкой на клотике.

ISBN 978-5-906858-45-0

© Граждан В. А., 2008
© Горизонт, 2008

Содержание

Ходили по морям немало мы	6
В войну рождённые	7
Предисловие	7
Как родная меня мать провожала...	7
«Чёрная метка» поколениям России	9
Интересно, а кому в войне корысть?	10
Мы выросли под мирным небом!	11
Свадьба после шестого	13
Я бы в лётчики пошёл	15
Убежать от жандармов	15
Прореха в законе	16
А пока столяром	17
Хрущевская кукуруза и флот	18
Предтеча выхода в люди	20
В феврале волки гуляют	20
Хрущев, кукуруза, ракеты и служба	21
Год 1964 и события к нему	22
Прощай, авиация!	23
В казарму шагом марш!	24
Так получают подводники	26
Заткнись и подчиняйся!	26
Экипаж – мой дом родной!	27
Неужели: «С заходом в заграничье?»	29
Последняя автономка	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Валерий Граждан

Невозвращенцы на Луне

*Моим жене Галине и детям Евгению и Светлане с благодарностью
посвящаю*

© Граждан В. А.

* * *

Ходили по морям немало мы

Обычно принято в предисловии помещать некое резюме титулованных знаменитостей. Именно поэтому в фильмах подводники сняты в бескозырках, а командир у перископа щеголяет с кортиком. У нас всё без дураков: флотские о флотском.

– Капитан дальнего плавания Олег Пастернак, бывший офицер РТС КИК (корабля измерительного комплекса) «Чумикан»: «Привет Валерий, дорогой мой сослуживец! Вот уж не ожидал, так не ожидал: в нашем европейском захолустье, на богом забытой Дюссельдорфщине получить от тебя послание. Да ещё какое! Прямо праздник воспоминаний ты мне подарил... Снова всё, как будто вчера... А ведь столько уже прошли миль, горя и радости, успехов и ошибок осталось по корме! Но я пока продолжаю прокладывать свой путь в морях полуденных и полуночных. Прочёл твои рассказы и снова всё, как будто вчера. И снова мы вместе, объединённые в одно великое понятие: «ЭКИПАЖ»! Читая твои рассказы, я получаю истинное наслаждение! Да и не может быть иначе, когда вновь встречаешься со своей молодостью и романтикой моря! Жму твою морскую и журналистскую руку. Обидно лишь, что так мало пишущих интересно и профессионально о море и морях».

– Владимир Казанов, инженер-программист, бывший старшина срочной службы ТОГЭ (Тихоокеанская гидрографическая экспедиция): «Валерий, спасибо за твои рассказы на сайте ТОГЭ-5. Это удовольствие в чистом виде: я как тот корабельный пёс Тобик вспоминаю все запахи моря, шторма и флотскую словесную вязь в ушах. И буду помнить их до гробовой доски».

– Бывший корабельный офицер баллистик по МКБР (межконтинентальные баллистические ракеты) Колбасин Виктор.

«Валерий, здравствуй! Я прочитал написанное тобой на сайте КИК ТОГЭ-5 и www.NAVY.ru. Математический вывод: оригинально, талантливо, интересно, забавно. Беда в том, что мало. Как в том мультике: «Маловато будет!» Валера, а как найти твои книги?»

Найти просто: нужно их издать требуемым тиражом. Всего в адресной почте автора книг «Горячий поход в холодную войну» и «Секретная лаборатория адмирала Максюты» несколько сот абонентов. Читателей гораздо больше. Пишите!

В войну рождённые

Предисловие

Эта книга о тех, кто рождён в годы второй Мировой войны и в самом её конце. Именно им довелось выжить, построить военно-морской флот и выстоять свою жизнь дважды. Они свою жизнь соразмеряли «за себя и за того парня». А когда Родину пытались превратить в руины без выстрелов и бомб, суметь её достойно поднять сызнова уже из экономических руин. Хотя с самого их рождения спецслужбы враждебных стран предрекали поколению голод, насилие, нищету, а то и чуть ли не поголовное уничтожение в пекле ядерной войны. Но они жили, создавали, а юмор не покидал их никогда.

Как родная меня мать провожала...

Прямо скажем, военком Куйбышевского района города Омска подполковник Мирошниченко был ЧЕЛОВЕКОМ. Можно даже сказать, – душевным отцом по военной части. Хотя по тем временам среди нас никто даже и в помыслах не имел отлынить от призыва. Мало того, даже заводить речь на подобную тему, значило усомниться в твоих МУЖСКИХ качествах сразу и навсегда. А если проще, то вряд ли какая девчонка станет водить дружбу с парнем, не служившим по какой-либо причине. Значило, что сей мужской «сапиенс» попросту хляк, а то и того хуже – «чахоточный» или «квёлый», как говаривали у нас в деревне.

Но мне всё-таки дважды давали отсрочку по той причине, что учился на вечернем отделении в политехе. Но, вызвав в очередной раз, военком, отечески похлопал по плечу и, весело эдак, спросил: «Так вот, скажи, значит, ты куда надумал идти служить? На танке грохотать под бронёй, либо ходить на корабле, а то и в «царицу полей» – пехоту, а то и того, – в авиацию? Тебе по здоровью комиссия позволяет! А? Вижу, – согласен. Слух есть, морзянку изучишь, образования- три курса, хватает. Дадут пулемёт, стреляй – не хочу. Так что запиши-ка его, капитан, в стрелки – радисты! И не надо меня благодарить! Жду орлом через 3 года. Следующий!» Без натяжки можно заметить, что немало офицеров по тем временам были из фронтовиков. То есть «академиев не кончали», но и не важничали особо. Одним словом отцы – командиры.

«А ведь хотя бы третий курс мог бы дать закончить, всего месяц до конца семестра... Теперь, как видно, после службы доучусь. Не я первый. А потом авиация – не фунт изюма!» Не штурман, конечно, но и стрелок – радист на самолёте не последний человек! Да и потом небо, облака... А проще – кружка, ложка и еда на три – пять суток и – айда на сборный пункт.

Призывной народец, то есть мы, образца 1944–1945 годов рождения, набранный «с бору по сосенке», был очень даже самостоятельный. По известной причине в годы войны рождаемость была не ахти какая. Скорее – никакая. Ко всему практически у всех война выкосила отцов, а у некоторых (как и у меня) лишь тётка, а то и вовсе- бабушка в деревне. Уму-разуму учила улица и рабочие в цехах, да и те почти сплошь фронтовики с ранениями, сиречь калеки и контуженные. А коли мы все народ уже работающий и самостоятельный, то к хлебу и колбасе на провода прикупили винца, а то и водки. Тогда «сидоры»-сумки проверяли условно, а, пожалуй, и вовсе не проверяли. Сам пришёл- и ладно. Особой дисциплины не требовали, полагали, что ещё успеется. И по сему картина была вполне сходная с проводами на фронт. Да и по ситуации вроде как схоже. Во Вьетнаме вовсю шла война, которую по радио именовали Тонкинскими событиями. Почти как драка у пивного киоска: до прихода участкового. Слышали мы и об «атаках патриотов», строили догадки, кто они и откуда, что вполне и на нашу долю

хватит... Тогда ведь всё больше радио, да и то с «техническим перерывом». А с телевидением было более, чем скромно: один на квартал, да и тот с линзой.

Целовались, обнимались, плакали, клялись в вечной любви, пели «Помнить буду, не забуду! Эх, не забуду-уду!». Одна девица билась в истерике: «Эдичек, родной мой, я люблю тебя! Я дождусь!!!» Парню, как видно подзахмелевшие друзья по общаге, напутствовали на все случаи жизни: «Андр-рей! Держи член бодрей!!!» Пели, пили, танцевали, рыдали с причитанием, а кое-где и выясняли отношения по мордасам. Кто-то пулял ракеты из бог весть откуда добытых ракетниц. Не обошлось и без разбитых стёкол в вагонах. Но скоренько нашу «вольницу» построили и сверили по спискам. Оттеснили подальше провожающих и передали на «попечительство» рослым матросам-голубопогонникам. Судя по всему – морским авиаторам.

По непроверенным, но весьма желанным для слуха сведениям, наш эшелон как бы отправляли на Черноморский флот. Тут же разыгравшаяся фантазия рисовала курортный пляж с множеством купальщиц с пышными формами, обилием винограда и южных дынь. И мы уже мнили себя героями-парашютистами, парящими над упомянутыми пляжами на глазах у восхищённых курортниц... Как бы в подтверждение-теперь уже по всему перрону суетились матросы и старшины с голубыми погонами. А на погонах значилась буква «Ф», значит-флот. Мало того, выяснилось в «доверительной» беседе (за распитием втихую бутылки с одним из сопровождающих нас матросов), что везут нас именно в Анапу в учебку авиабазы. А матросу-то чего: чего просят, то и «распряг», тем более-налили во здравие.

Где-то заорали: «Па-а ваго-онам!» И мы, уже слабо соображающие происходящее от выпитого, пошли «па-а вагонам».

А вернее-кого куда затолкали. Визги, крики провожающих перекрывала громкая и ОЧЕНЬ нестройная песня «Черное море моё!!!» «Как родная меня мать провожала... Тут и вся моя родня набежала!» И уже где-то за окнами хороводила смешавшаяся и изрядно подвипившая толпа, едва сдерживаемая офицерами омских военкоматов. Была самая заурядная картина проводов на службу. Без обилия киношных цветов и звона оркестровых литавр. Наш призыв был едва не первым, кого везли в пассажирских (!!) вагонах, а не в «телятниках».

Где-то засвистело, звякнул станционный колокол. Закрыли двери вагонов. Как и следовало ожидать, состав лихорадочно дёрнулся в направлении ЗАПАДА! «Тот, кто рождён был у мор-ря!!...» Орали допризывники, теперь уже справедливо полагая, что впереди всё-таки оно-Чёрное море. Но состав, будто спохватившись, с невероятным грохотом тормознул и... рванулся на восток. Мало чего соображая, но почувствовав разницу в направлении движения, кто-то предположил, что «будут формировать эшелон на товарной станции». «В десанте служим мы крылатом!!...», – упорно горланили пьяные парни. Но довольно быстро, где-то через час-другой угомонились, хотя НИКТО и не призывал к этому. В одном из купе хорошо спевшаяся компашка упорно выводила мелодию «Песни пустынь». Смысл песни был идеально прост:

«Шел один верблюд. Шел другой верблюд, шёл... Н-ный верблюд. Шёл целый караван» «Джим-бала-бала, джим-бала-бала! Шёл целый караван!» Затем упал от жажды один верблюд, а за ним и все последующие в указанном в предыдущем куплете порядке. Припев тот же. Программа, скорее всего, была рассчитана почти до утра, а то и на несколько суток в связи с безмерным количеством бутылок в запасе поющих. Содержание песни предусматривало и это. Сюжет шёл в мажоре: «Попил один верблюд» и все прочие. Затем проминаж по пустыне продолжался успешно. Хотя, кто его знает, ведь если водка ещё есть, то... всё повторяется. Всё как в пустыне. За окнами смеркалось. Поезд упорно отстукивал километры и по-прежнему на ВОСТОК. К соблюдению тишины в вагоне уже не призывали. Все и так по притихли, осознавая похмельной головой свершившуюся разницу между сочинским пляжем и «тропой Хо-Ши-Мина».

Просто команда матросов-«покупателей» была достаточно опытной, чтобы не терять силы и нервы совершенно напрасно. Выветрившийся хмель и суровая реальность взяли своё.

А уже утром следующего дня окончательно выяснилось, что ни на Чёрное море, ни тем более в Анапу поезд не идёт. Даже через Кокчетав, как смело предположили бывшие двоечники по географии. Теперь направление у поезда было явно восточным, даже для тех, кто успел похмелиться. Вопрос с десантом тоже повис в воздухе, где ему и положено находиться до приземления. По купе раздавали какую-то кашу. Знали бы мы, сколько её нам ещё предстоит съесть, да с волчьим аппетитом. Сейчас она не лезла в горло даже под портвейн 777.

Ко всему, в нашем вагоне, почти поголовно ехали студенты – вечерники и заочники, плюс те дневники, у кого не было военных кафедр. Народец, вроде не из глупых. Тем не менее мало кто ведал, да и не мог доподлинно знать о фактическом положении политических и, тем более, военных дел в мире. Хотя лекции «О международном положении» нам на заводе читали едва не еженедельно. Чего и говорить, коли по прошествии и десятков лет далеко не всё поддаётся логике в оценке событий тех лет «холодной войны». А не могли мы знать ГЛАВНОГО.

«Чёрная метка» поколениям России

А на языке пиратов это означало «низложить, а то и предать смерти». Сейчас вы прочтёте инструкцию, вышедшую под грифом «Секретно» в ведомстве ЦРУ 17 июля 1945 года. То есть аккурат к нашему появлению на свет. Тогда во главе этой американской организации стоял Ален Даллес. Документ был под номером 2004. Уверяю, что по сей день его НИКТО НЕ ОТМЕНИЛ. Мало того, его впервые частично озвучил Президент США Рональд Рейган. А уже в 90-е годы теперь уже прошлого столетия Инструкция была осуществлена нашими же руками (!!). Вот её содержание (сокращённо):

«Окончится (2-я Мировая) война, всё как-то утрясётся... и мы бросим всю материальную мощь Америки на оболванивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению.

Посеяв хаос, мы незаметно подменим их (русских) ценности на фальшивые и заставим их в (это) поверить. Мы найдём своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России! Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного и бесповоротного угасания его самосознания.

Из (их) литературы и искусства мы постепенно вытравим социальную сущность, отучим, отобьём у них охоту заниматься изображением и исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс.

Литература, кино, театр, пресса, телевидение- всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых «художников», которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства.

В управлении государством мы посеём хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточничеству, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и станут никому не нужны. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом, беззастенчивость к русскому народу, – всё это мы будем ловко и незаметно культивировать и всё это расцветёт махровым цветом. И лишь немногие будут догадываться, что происходит. Но таких людей мы превратим в посмешище, найдём способ их оболгать.

Мы будем братья за людей с детских лет. Будем всегда главную ставку делать на молодёжь, пошляков и космополитов. Вот так мы это сделаем. «Завтра», 1994, № 13.

Так что все поколения россиян, рожденные уже со времён 2-ой Мировой войны, оказались под знаком «чёрной метки». Если не ещё раньше. Просто такой циничной концепции не

посмел выдвинуть даже пресловутый Геббельс. Хотя подобные фрагменты были и в его «идеологии», но они не были столь «дальновидны», как у А. Даллеса. Он не утруждал себя витиеватостью экономическо- диверсионной «теории», предпочитая пропаганду практическому истреблению народонаселения России.

Интересно, а кому в войне корысть?

И опять-таки по окончании 2-ой Мировой войны со стороны таких держав, как США, Англия и стран НАТО начали стремительно развиваться события теперь чисто военного, но уже не союзнического характера. Уже к 22 мая 1945 года, то есть на 13-й день после провозглашения СОВМЕСТНОЙ с СССР ПОБЕДЫ над фашистской Германией уже имелся план «Немыслимое» о действиях США и Британской империи на случай, если СССР не остановится на согласованных границах зон оккупации, а продолжит свой марш до Атлантического океана. Как это, кстати, упорно предлагал И.Сталину маршал Жуков.

План «союзников» по ряду причин не состоялся. Но противостояние уже стало носить практически открытый, а иногда и вызывающий характер. Новое состояние мира получило название «Холодной войны».

Вопреки начатому противостоянию Англия, а вероятней всего и США получили довольно внятное предупреждение от межгалактического «Коалиционного отряда наблюдателей» (КОН). В нём говорилось, что «Человечество идёт по неверному пути и землянам необходимо уничтожить все орудия зла! Иначе нынешнему виду гомосапиенс придётся покинуть пределы Галактики». Заявителю сего власти пригрозили скамьёй подсудимых. Это был 1929 год. Но война была развязана уже через 10 лет. А в 1945 году Америка произвела демонстрационные ядерные взрывы. После ядерных взрывов в городах Японии Хиросиме и Нагасаки превосходство США в вооружённых силах мира стала очевидной. Тут же созрели планы по реализации ядерной монополии. А к 3 ноября 1945 года в Пентагон поступил доклад № 329 по отбору 20 наиболее важных целей на территории СССР для нанесения по ним атомных ударов. Для лучшего запоминания назовём их поимённо: Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль. А 14 июля 1949 г. По новому плану «Троян» таких городов уже намечалось 70. Затем план бомбардировок перенесли на 01.01.1957 года. Хотя теперь с неизбежной оглядкой на уже имеющееся ядерное оружие в СССР. «Оглядываться» приходилось многократно и с каждым разом с большей натугой для шеи. 4 октября 1957 г. СССР запустил первый искусственный спутник Земли, а в 1961 году в Космосе уже был Первый Космонавт Земли, гражданин Советского Союза. Аналогичный вывод служители Пентагона провели безошибочно: таким же средством доставки, межконтинентальной баллистической ракетой, можно «предоставить» ядерные боеголовки в те же США!

И, тем не менее, идея ядерной войны не покинула головы воителей Пентагона. Там зародился «Единый комплексный оперативный план» или «СИОП» в аббревиатуре США. И в декабре 1960 Комитетом начальников штабов (КНШ) США был утверждён вариант СИОП на 1962 финансовый год. Согласно этому плану уничтожению уже подлежали до 525 млн. чел.(!!) не только в самом Советском Союзе, но и в его странах-союзниках, таких как Китай, Польша и других. Агрессоров не смущало уничтожение целых наций и радиоактивное заражение практически всей промышленно-активной зоны Евразии! А радиация в известной мере достигала в виде облачности и самих США. И все таки в своих планах они шли на это. А наносить ядерные удары Пентагон мыслил ПРЕВЕНТИВНО, то есть с опережением возможного ответного удара.

И всё вооружение: корабли, самолёты, танки и даже артиллерия переориентировались на войну с применением ядерного оружия.

От Советского Союза и стран Варшавского договора требовался НЕМЕДЛЕННЫЙ и адекватный ответ. И, прежде всего СССР, был милитаризован целиком. Это требовало непомерных финансовых и трудовых вложений. Уж какое там благосостояние людей! «Лишь бы не было войны», – так трактовали для себя простые люди, в совсем ещё недавнем прошлом перенесшие ужасы фашизма.

Казалось бы: чего хотят от нас те же США вкупе с блоком НАТО, причём ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ? Да просто, даже очень: нужны богатейшие ресурсы, коими располагают недра России и её тогдашних союзников. Но в первую очередь – самой России. Плюс дешёвая рабочая сила, своеобразные рабы 21 века. И не меньше.

В Третьем же послании «К разумным жителям Земли, к расе, именующей себя Человечеством, вновь ОБРАЩАЕТСЯ КОН!

А, судя по всему, точка в этом вопросе скорее всего если и будет поставлена мирным путём не ранее 21-го века, а то и гораздо позже.

Вопрос, пожалуй, встанет так: либо человечество достигнет в своём самосознании взаимопонимания, сотрудничества, либо погибнет от самими же перепроизведённого вооружения. Не суть важно уже, какого: все виды его стали носить ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО глобальный характер. Но, увы, в первую очередь, не просматриваются пути просветления разума на пути демилитаризации и мира. Зато виток за витком совершенствуется и требует колоссальных затрат оружие и системы защиты от него.

Но атомное оружие возымело первостепенную роль и для СССР. Забегая вперёд, скажем, что в период с 1949 года по 199 °СССР провёл 715 ядерных испытаний. Так что ко времени нашего призыва в 1964 году начался 3 этап программы ядерных испытаний в СССР. Продолжился он до 1975 года с без гарантии получить новый виток развития. Те или иные договора между США и СССР несколько видоизменяли ядерную политику противостоящих государств, но пока демилитаризацией и не пахло.

Но советские люди помнили популярный тогда фильм «Александр Невский»: «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет!»

Мы выросли под мирным небом!

Реальная жизнь ожидала каждого по-разному. Многие так и остались на ферме, конюшне и тракторе. А некоторых потянуло дальше: учиться в город. У нас-то школа была лишь до шестого класса. Пение преподавал безногий лётчик дядя Петя (не любил он по отчеству). Он раньше по поездкам на хлеб песнями зарабатывал, да прибился к колхозу. Немецкий вёл настоящий, бывший пленный немец, баварец Шлей (мы ему дали прозвище – шлея, что под хвостом у лошади). Он в своё время закончил художественную академию, так что мы рисовали куда как здорово. Научил немец Шлей нас и столярничать за милую душу. В домах появились табуретки и лыжи, полки и скамейки для дойки, а то и столы. Вот только досок в деревне не сыскать: лесов-то в округе почти нету. Даже единственный в деревне сортир у сельсовета имел лишь дверь с крючком и щеколдой, но без стен. Может где в городе и были кружки авиамodelьные, судомodelьные, планерные, то у нас были красная, зелёная и белая глины. А из них мы лепили «ястребки» и «мессершмиты». С ними тоже играли в войнушку. И росли. А война осталась в кино, да играх в «казаки-разбойники», и «Чиж».

А коли по правде, то война в наших душах оставила не то чтобы след, а целую пахотную борозду. Ведь наши отцы, считай поголовно полегли на поле боя. А кто выжил, то был инвалидами в любой степени и по любому диагнозу. А чаще – психиатрическому. Нередко их унижали, нежели воздавали должное. Им, пришедшим живыми с поля брани. А десятки тысяч, поистине героев были преданы позору под клеймом «без вести пропавший». Их вдовы и дети несли почти доселе это позорное клеймо лишь за то, что от их отцов не нашли не то

чтобы медальона(а кто и кому их давал?), но и останков тела (и опять: кто их искал и ищет по сей день?). Разорвало снарядом, погиб в подлодке или утонул с экипажем торпедированного катера, на переправе, взорвался при падении на территорию противника... А сколько сотен тысяч приняли мученическую смерть в концлагерях? Теперь начинают «вспоминать» о «загранотрядах», не жалеющих патронов во вздумавшим отступить своим же, пусть штрафникам. Многое нам, тогдашним пацанам порассказывали фронтовики за ковшиком умыкнутой у тётки бражки. И мы искренне хотели быть военными, чтобы слава нашего же ты пацан, коли не можешь сделать сам пистолет, а то и «поджиг», стреляющий как из ружья. Нередко последний вышибал глаза и отрывал пальцы. Но ими хвастались и гордились: «Слабо! У меня двухствольный «поджиг» и финка!» И дрались «на кулачках» стенка на стенку, правда, отдельно от взрослых парней. Пока. Кто-то мастерил ветряк, либо вычурного змея для запуска под облака. У меня недоставало для подзорной трубы-телескопа одной линзы. Где-то в кулуарах деревенской библиотеки я сыскал нечто замечательное. По-моему это была «Занимательная оптика». Тогда были такие книги. Куда делись ныне – удел Интернета, коему вера фифти-фифти. То есть «пальцем в небо». Хотели мы и стремились ко всему чудесному, интересному, поверьте, – всей душой! Хотя нам, пожалуй, уже было начертано судьбой стать героями. Нам и имена-то давали героев. Мне имя досталось от Чкалова. А однажды, поддавшие фронтовики зашвырнули меня в колхозный котлован, когда там не было деревенского стада. Да и не меня одного, поскидали, хохоча, всю детвору. Это называлось «Днём флота». Двое из фронтовиков служили на флоте. Может, именно благодаря им я и многие мальчишки в деревне научились плавать. Честно скажу, что ныне призванные на флот в большей части и плавать-то не могут. И там, в учебном отряде особо не учат (нас, во всяком случае, но об этом позже). А уж фронтовых историй наслышались довольно. Как ныне говорят, – от «первоисточников». Вплоть до взятия Берлина и позже. К нам в деревню возвращались чуть ли не до пятидесятих годов. И, что удивительно, пройдя огни и воды, не потеряли чувства юмора. Подъегоривали даже друг друга.

Не помню случая в деревне, чтобы не помогли человеку. Ещё в 50-е к нам, в Руслановку, да и в другие деревни Сибири «понаехало» сотни, а то и тысячи беженцев-переселенцев из Европы. Просились на постой, докопать картошку и просто поесть и что не жалко-из одежонки. Была почти поздняя осень, но многим из бедолаг успели всем миром построить и обиходить землянки из дёрна. Дали скотину, птицу на развод, зимнюю одежду и даже катали пимы и шили полушубки. Моя бабушка дала овчины и шерсть на носки. Даже жадный объездчик Кутюля дал бесплатные билеты на порубку сухостоя в колках на дрова. Тогда ни у кого не повернулся бы язык произнести расхожую ныне фразу: «Это ваши проблемы!» В деревне всегда все про всех знали: кто голодает, а у кого и штанов нету в школу сходить, да валенки одни на троих. Так что беженцы в зиму не голодали. А их дети вскоре стали своими и катались на горке. А уж в классе у нас учились русские, цыгане, немцы (волжане), киргизы и казахи. Ходили в гости в аулы, в табор, а вот с немцами особо дружбу не водили. Ещё бы! Хотя наши немцы вовсе и не фашисты, но ведь немцы... Хотя трудились немцы куда проворнее и грамотней наших. Попасть на комбайн, где тракторист и комбайнер немцы, было редкой удачей. У них всё до винтика предусмотрено. За всю уборочную немец и часа не простоит, коли ведро в поле, да валки сухие.

В общем-то известно, что поступки – основа привычек. Из привычек пестуется характер. Укоренившиеся привычки и есть традиции, подчас хранимые в веках. О русских традициях сказано, написано достаточно, чтобы следовать им. Но традиции прежде всего надо блюсти. Вечно, пока существует нация, народ, их породивший.

Свадьба после шестого

Немало по первому снегу провожали ребят в город. Учиться дальше. Мало их было. Но провожали всей деревней. Ведь и учились-то мы все вместе: 1-3-5 классы в одной избе – пятистенке, а 2-4-6 – в другой. Классы делились по рядам. Нередко первоклашки знали материал пятиклассников лучше их самих. Да и возраст у нас разнился изрядно. Отдавали- то в школу по-разному. Редко кого в 7 лет. Больше в 9-12 годков. Помню, как в 6-ом классе гуляли на свадьбе у Вальки Шкондиной. Нам только самогона не наливали, а сладенькой бражки, на подобии крепкой газировки или перебродившего кваса. А Вальке уже было 18 и жених – немец из соседнего Цветнополя. Потом нас потихоньку спровадили на горку. Чему мы были рады. Больно надо: «Горько, горько...» и целуются. Стыдоба! Взрослые и то уходили от детей целоваться за занавеску. Там и род продолжали. Хат-пятистенок в деревне было мало, чтобы отдельную комнату городить.

А радио в Руслановку провели году к 56-му. Слушали по часу. Чудно! Моя бабушка Марфа, матерщинница, но набожная дивилась: «Вот ведь, куды в малюхоньку хренятинку втемяшился и поёт, мать твою туды. Прости Господи грешную!» И, крестясь, отходила в угол к иконе. Крестилась в тёмный угол с иконой, требовалось замолить грех: слушала дьявола. А «электрык» проводить так и не дала: «Инда в Азове бабу убило имя!» А жалко. Вон, у Летовых, хотя и пол мазанный, а лампочка была. Правда в одной комнате и без выключателя. Я прямо по снегу втихаря (грех-то какой!!) бегал к соседям поглазеть на чудо. Набивалась чуть ли не полная хата. Но в 11 вечера «чудо» уже выключал Лёнька-электрик. Он же включал утром радио. И, если у нашего радио была лишь одна рукоятка, то у Лёньки был ПРИЕМНИК. Без лишних кулебяк Лёнька объяснял нам, как настоящий ЗНАТОК политику. Ему мужики обязательно подносили для лучшего «вещания». Однажды на завалинке в подпитии он сказал воякам, что точно опять война началась. Бабы было завыли, но Лёха успокоил, что она (ВОЙНА) пока холодная и вроде как не совсем против нас. И вообще против неё построили железный занавес.

Так и жили. Если одного из «чудес» не слышно, то значит Лёнька побывал у Цедиленчихи и пьяный спит в радиоузле. А то и, поддав самогона, рассказывал у той же бабки (ей-то чего, абы людей побольше, да самогон брали!), что после Маленкова и Лаврентия Берия будут резать скот и сеять кукурузу. Но уполномоченный из района велел правлению и землемеру урезать огороды единоличникам, да повырубить яблони, что сверх нормы. Только нормы не знал никто, а поэтому все матерились вроде как ни на кого. А уполномоченного материть, значит против власти и в каталажку. Но кур и свиней попрятали. Ждали какую-то атомную войну. И чего людям неймётся!

А в Америке был президент Эйзенхауэр и там вешали негров. Негры были вроде как за нас и их было жалко. Привезли в клуб «Свинарку и пастуха». Киньщика поили с неделю, чтобы крутил подольше. А в буран он и сам не поехал: дорогу занесло. К весне собрали в суворовское училище Серёжку Помпеева. У него отец погиб где-то в Польше и был большой герой. Его сеструха Светка осталась с матерью.

Но совсем к весне начали налаживать совхозы. Бабы говорили, что там будут платить деньги, а к следующему году и вовсе грозятся выдать паспорта. До сих пор давали только справки, чтобы съездить на базар. Бабушка, наслушавшись радио, сокрушалась: «Господи, неужто сызнова на нас нападут с этими бонбами! Да чтоб у них руки отсохли, у антихристов!», – и молилась перед сном, лёжа у печи на мешках с шерстью. Я был солидарен, хотя в бога верить наотрез отказывался. Пионер ведь я!

Как бы там ни было, а именно тогда за океаном уже планировали ядерный удар по Иркутску. Основная цель: разрезать Советский Союз пополам, парализовав отстраиваемую Круто-

байкальскую железную дорогу. Но, вопреки этим планам, появились новые ветки Транссиба. План бомбардировки опять был сорван. Это уж почти сегодня стало известно. А тогда...

Не больно-то помню призывы в армию из нашего колхоза. Скорее всего уже или пока некого было. А коли и призывали, то как-то незаметно. И без того в колхозе работать было почти некому. Бабы, да мы, пацаны. Мы запросто управлялись на конных грабарках и лобогрейках на сенокосе, на копнителях, а то и прицепщиками-трактористами (днём прицепщик, а ночью – тракторист). Фронтовики возвращались, к общей радости, почти до 56 года, а кто и позже. Но в деревне не засиживались, подавались в город, либо в совхоз, в Азово. Решился и я.

Я бы в лётчики пошёл

Убежать от жандармов

Закадычным другом детства помню Андрюшку Карапина. Его мама редко была дома, потому что психиатр. Я почти не видел её, но почему-то полагал, что психиатр либо работает в цирке, а то и вовсе-ловит шпионов. Сам же Андрей смыслил в психиатрии не более меня, поэтому ляпнул: «Она врач!» «Сам дурак!» – ответил я, хотя дружбе это не помешало. Всё равно у нас обоих отцов не было. Настолько было непонятным для меня даже само слово «психиатр», что я записался в библиотеку. Тётяшка заведующая сказала, что мне ещё рано, тогда я ей прочел целый лист из «Мойдодыра» и показал чисто вымытые руки.

Всё-таки зря мама Александра Петровна (так она велела себя величать) забрала меня от бабушки. Там, в колхозной библиотеке мне тётя Нина даже давала подержать книжку Ленина в кожаных обложках! Про психиатров мы ничего не нашли и библиотекарша спросила, кто меня этому слову научил. «Сам придумал!», боясь выдать Андрюшку, соврал я. Врать мне нравилось: надо просто сказать то, чего от тебя хотят. Не всегда, правда, совпадало. Когда я разбил из рогатки стекло, то меня взял дяденька за ухо и строго спросил: «Будешь ещё, стервец, стрелять?!» А я возьми, да соври: «Буду!» И тогда Александра Петровна заставила меня стоять на коленях в углу. Уж лучше бы я сказал наоборот. Тогда бы и в углу не стоял и колени не болели.

У меня же вот уже целый год была мать главбух, зачем-то забравшая к себе от бабушки. Да и навещала меня, первоклашку изредка между командировками у соседней по дому. И её образ жизни ни коим образом не предусматривал мою персону. От общения же со мной родители предостерегали: мальчик незаконнорожденный. У Андрюшки тоже не было отца. Зато его мать знали все окрест и уважали.

А с Андреем мы мечтали. Это было жутко интересно в нашем почти розовом детстве. И конечно же, было полнее доверие душевных тайн. Положим, мать Андрея совершенно не ведала, что её любимый и единственный сын осмелился желать стать ТАНКИСТОМ. А не хирургом, стоматологом и уж, в конце концов – психиатром.

Друг ужасно боялся маминого мигрена. По его мнению именно на этой почве умер Сталин. О тайне Андрея я молчал как партизан Лазо. Андрюшка же взаимно хранил мою тайну: занять со временем пост Ленина. По моим умозаключениям, вакансию до поры, до времени совмещал Иосиф Сталин. Но в марте скончался и он. Хотя после Сталина дела обстояли сложно. Там была полная неясность между Берия и Маленковым, последний в итоге «надавал ему(Берия)пинков». Стишок о Берия знали во всей школе и не запрещали. Скорее всего, потому, что «Берия потерял доверие». А потом вообще на Мавзолее во время парадов стал стоял Хрущёв. А на пост Ленина почему-то никто не претендовал. Странно, что кроме меня об этом никто не догадывался. Видно НИКТО не знал о существовании такой важной должности. Да и лет мне было явно недостаточно, чтобы открыто заявить о своём первостепенном желании. Так что пока это была Тайна.

Повзрослев на год и всётаки определившись в деревне у бабушки, сменил и виды на «трудоустройство». Теперь планы строили уже с деревенскими ребятами, иногда покуривая самосад. Его отсыпали втихаря из кисета деда Цидилёнка, вечно дремавшего на завалинке. Закопёрщиком выступал цыган Забар, мой троюродный брат по дедушке Семичу. Он постоянно подговаривал рвануть в Уссурийскую тайгу за женьшенем: «Заживём как цари. А там кто куда хочет...». Я, хотя тоже читал книгу Арсеньева про Уссурийский край, но махру курить не стал, да и «золотой корень жизни» меня не прельщал. А ко всему пост Ленина мне уже

разонравился. По заграницам я бы ещё ездить смог, а вот в гробу лежать и не шевелиться – дураков нету. Я даже в прятки не мог долго высидеть не двигаясь. А про жандармов вообще ясности не было. Уж больно быстро они бегали и Ленина всегда ловили. А меня никто поймать не мог, даже Ванька Марков. И я задумался о смысле жизни серьёзно и вообще.

Вот Мне бы на звезду какую посмотреть или на Луну. В жизни не видел лунатиков и марсиан. Хотя у Бредбери читал. Они вроде немцев, но ничего про нас не знают. И что мы за мир всём мире, – тоже не в курсе. Скорее всего у них нету рабочего класса. А больших учёных пускали в обсерваторию, к телескопу. Мне бы для начала хотя бы двор вокруг неё мести. А ночью можно было бы потихоньку, вместе со сторожем наблюдать туманность Андромеды и Аэлиту. А учился бы в райцентре, в Азово в вечерней школе.

Всем стало завидно, что я столько знаю, что стал почти «астрономом» и тогда лучшего и не хотелось. Только Зарыпов хотел как отец- на флот, в торпедисты. У Ваньки Маркова отца совсем убили на войне и он хотел в лётчики – истребители, чтобы сразу записаться в герои. В итоге, после пятого класса, как только отсадили картошку, и накосили сена, мы рванули на Юг, чтобы до уборочной наесться досыта дынь, а то может и арбузов.

Но в колхозе, если за лето не заработать сто трудодней, то «шестого класса не видать, как свинье ушей», так сказал председатель. А шестой класс- последний в нашей школе. Без него – никуда. Даже справку в город не дадут. Такие вот танки – самолёты. Да и огороды копать- тоже не фунт изюма. Но мы рискнули смотаться за сладкой поживой до оговоренного председателем срока.

Арбузы с дынями привозили и в Омск на огромных арбах, запряжённых верблюдами. Но их нельзя было обменять на куриные яички или берёзовые почки, а денег в деревне у пацанов не было отродясь. Вот и порешили: до города на попутках, а там «своим ходом». На товарняках, то есть.

Раньше у вагонов были площадки – «тормозухи» назывались. Если незаметно, то можно на перегонах сесть. Ехали до тех пор, пока живот не подводило от голодухи. На станциях был «кипяток» – специальные будки с варом. На перроне, если не было видно милиционера, Забар гадал по руке, я пел военные и жалостливые песни про сиротскую жизнь и хромал калекой а Ванька с Толькой танцевали деревенского гопака. Не очень художественно, но смешно до упада. За час- два зарабатывали на приличную жратву и ехали дальше.

Но главное на товарняке- не попасть на глаза «Гавриле» – прицепщику и охраннику состава. А так его прозвали станционные пацаны, оравшие ему: «Гаврила-а крути-и!». У «Гаврилы» был красный фонарь и рукоятка тормоза, которую ему следовало крутить, чтобы состав притормаживал на спусках. Прозвище ему очень не нравилось. И нас, мальчишек- зайцев готов был пороть нещадно.

До южных бахчей мы всё- таки доехали. Но дыни, оказывается, ещё не дозрели и нас не только мучил понос, но и ещё болела задница и спина: конные объездчики отхлестали кнутами. Назад до Омска ехали голодом и молча. Дома меня бабушка лишь обняла: «Краля ты моя, куда же тебя черти носили! Энтю все, поди Забар смустил, смоляная рожа! Чисто твой дед, Семич...» А Толян с Ванькой всыпали «по первое число». У Тольки отец, а у Ваньки – дядя, хотя и пришли с войны инвалидами, но кнут держали крепко. Так что зады у них были страшнее картины «стрелецкая казнь». А Забара по-моему и не заметили, что его две недели в таборе не было.

Прореха в законе

Шёл я в райцентр Азово. Была у меня за пазухой финка, что на бражку выменял у фронтовика Лёньки Помпеева. Финкой было здорово в ножички играть и свистки из лозы ладить. Да и в дороге не так боязно.

Пока шёл, раздумья лезли в голову, а думы мои были вовсе не весёлые. Ведь шестой класс я всё-таки не закончил и заветную справку не получил. Куда теперь? Ну, для начала можно и у дядьки. Он был крупным шишкой-заготовителем, а ко всему что-то знал про моего отца. Но как быть со школой и справкой? Надо сказать, что паспорт на руках к колхозе имели 3–4 человека., среди них моя бабушка, как единоличница, председатель, да, разве что, почтальонша. Так что вместо паспорта выдавали справку колхозника, коли в город ехать случилось. Но вот беда: полных лет мне было 13, то есть для получения паспорта рановато. Ни поехать, ни пойти даже в соседнее село колхозник «де юре» не имел права. Это угнетало по сути: вроде прорехи в законе, но с двойной запретной заплатой. Хотя дядя Коля не стал себе морщить лоб в связи с внезапным появлением деревенского племянника, а переправил меня к другой сестре – тётке Тане. Благо, она работала народным судьёй и всякие справки- малявки для неё проблем не составляли. А два окултуренных братика начали усиленно приучать меня к гражданской жизни. Так что вскорости мой прохудившийся юридический «Сидор» был надёжно заплатан. А в школе мой «хенди Хох» (руки вверх) поменяли на французский портфель – редикуль – «пардон, мадам». Так что к весне мне пришпандорили «неполное среднее образование» и «четвёрку» по поведению, что приравнивалось по тем временам чуть ли не к судимости условно. Но по настоянию Татьяны Петровны мои «фортели» были как бы спущены в пресловутую реку Лету и преданы забвению мои драки и нецензурщина. Наряду с этим встал вопрос, куда девать новоявленного «агнца», чтобы только подалее от досточтимых братиков судейского отродия.

А пока столяром

В связи с возникшей проблемой Валерика, то бишь меня, приняли в комсомол уже как «достойного» пионера. Тут же мне спроворили комсомольскую путёвку на мебельную фабрику. И полетел я сизым голубем напрямиком в Омск. Вначале в ОблКВЛКСМ, откуда с немалым скандалом – на мебельную фабрику. Минуя ремесленное училище, но с третьим разрядом. Это озадачило моего начальника участка Козлова: мне разрешалось работать лишь до обеда и под наблюдением глухонемого наставника(других не было). А в вечерней школе, куда меня с трудом определили (не было 16 лет и паспорта), моими одноклассниками были сплошь фронтовики. В буфете, в подвале, рядом с раздевалкой торговали пивом и водкой на разлив.

Были и казусы. Лёня Славский, бывший командир полковой разведки, кавалер не менее пяти орденов, инвалид войны имел обыкновение второй урок сидеть в буфете. На первом он за партой считал выручку за штрафы по электричеству и «усушивал» разницу на втором часе, попивая «женатое пиво». Так он называл пиво с добавленной в него водкой. На третьем уроке он мирно посапывал на парте. И никто его не беспокоил: заслуженный человек! А тут случилась оказия с подменой преподавателя именно на третий час. По закону подлости Славского вызвали к доске. Вышел- то он браво, но, пройдя две-три парты, опять прикорнул. Учитель в испуге вызвал скорую. Смеху было на всю школу. Но водку в буфете продавать не стали, только пиво и газировку. Я в классе был вроде сына полка. Меня любили все: я давал списывать запросто.

Почти так же ко мне относились на фабрике. Немых на фронт не брали, бендеровцев – тоже. А фронтовики, по большей части калеки, держались особняком. Немые частью были говорящие. Не совсем внятно, но к их манере «говорить» привыкали. Они же читали по губам и жестикуляции. Много помнится и поныне. Но мастера были отменные. Халтуры не терпели. И весь инструмент, включая пассатижи и зубила делали сами. Я же работал купленным в магазине рубанком. Немой Парыгин долго наблюдал за моими потугами с инструментом, естественно, молча. Так же молча забрал рубанок и вышиб киянкой железку. Остриё попробовал о ноготь, произнёс гортанно: «Дерджи! Кароша джелеска! А эта – гамно! Нез-зя дработат гамно». И перерубил топором для брака колодку пополам. Взял меня за руку и повёл к своим шкафам-

шифоньерам с инструментом. Достал оттуда буковую заготовку для рубанка, подал. Сказал при этом: «Держи! Тмотры мой рубанак и дэлай таки. Мецац дэлай, два но дэлай карашо. Гамно нэ работай!» Конечно же, пришлось купить другой рубанок: работать-то чем? Но прятал его от Парыгина, тут же приступая к новой колодке. Приходил на работу часа в 4–5 утра, чтобы до обеда хоть что-то заработать. Прихватывал и обед. Постепенно САМ сделал свой инструмент. У нас даже кузница своя была. Школа художественного мастерства по дереву, шпону являла собой совершенство. Многое из тогдашнего утеряно почти безвозвратно.

Не забыть, как тот же Козлов пёкса о сохранении столярного искусства краснодеревщиков, вот только жаль, что не многими он был понят. Может и мной тоже. Видел Козлов мои старания и любовь к дереву. Уговаривал идти учиться в институт за счёт фабрики по деревообработке и мебели. Я же, окончив вечернюю школу, поступил в авиационный институт... Вряд ли тогда мыслилось, что есть СУДЬБА. Многое, конечно, вершит человек сам, но есть нечто выше его чаяний.

Хрущевская кукуруза и флот

Говорят, что на могиле Никиты Сергеевича Хрущёва стоит изваяние из двухцветного гранита: чёрного и белого. Пожалуй, что скульптор очень даже символично отобразил в памятнике смысл деяний руководителя советского государства. Несомненный позитив, тогда мало кем воспринятый и сумбурный негатив его деяний, породивший массу негодований в народе и у его ближайших соратников. Вроде весьма благое дело – дать простому люду жильё, переселить их из бараков и хибар в цивилизованное, пусть и не очень, но жильё. Оно уцелело и по сей день: совмещённые санузлы с ванной, низкие потолки.

Анекдот тех времён: «Хрущёв совместил ванную с туалетом, потолок сблизил с полом, была мысль соединить в один трубопровод водопровод и канализацию. Не успел. Сняли».

Сократил непомерную армию, двинул миллионы людей на целину, сделал миллиардные вложения в оборонку, непомерно поднял налоги. Выпустил тысячи «зеков», наводнив страну преступниками. В ответ стих на вагоне товарняка:

«Дорогой товарищ Сталин, на кого ты нас оставил!

У Никиты, мудреца, хрен попьёшь теперь винца!», а внизу приписка: «Везите до Москвы, не стирайте!»

Хотя надо всё-таки отдать должное Н. Хрущёву как хозяйственнику государственного масштаба. И, если И. Сталин решал глобальные вопросы через ГУЛАГ, то Никита Сергеевич ставил вопросы и решал их почти по демократическому принципу: накормить, дать работу и жильё. Причём не за колючей проволокой и с тюремной баландой, как действовал Иосиф Джугашвили, а на свободе. Не хватало хлеба, мяса, молока... Белый хлеб давали по рецептам врачей. Ко всему появились совершенно необоснованные лозунги: «Догоним и перегоним США по производству мяса, молока...» Хотя откуда взяться всем этим продуктам, коли нету должного уровня сельхозпроизводства. Появилось сотни анекдотов: «По мясу и молоку хреном проволоку!»; в Москве – «Мосмясо», «Мосхлеб»; в Одессе «Одэмясо», «Одэхлеб», а в Херсоне, говорят, и того хуже». Началась «эра кукурузы», якобы универсального продукта для населения и... скота.

Постараемся сегодня понять происходящее в СССР и окружающем его мире. Продолжалось совершенствование и испытание ядерного оружия – залога государственной безопасности. Строились ракеты, танки, самолёты. До половины, если не более населения «работали на войну». Противостоящие СССР страны НАТО всё глубже втягивали нас в гонку вооружений. Во всемирной атмосфере уже не просто пахло, а чадило ядерной войной. Не мог СССР, имеющий почти трёхкратное экономическое отставание от США и стран НАТО, превзойти их по вооружению и армии. Ко всему не было устойчивой военной доктрины.

Для надёжной охраны и обороны водных границ Советского Союза требовались современные авианесущие корабли, ракетноносные субмарины, самолёты дальней авиации и многое другое. Плюс внутригосударственные проблемы. И Н. Хрущёв ОТКАЗЫВАЕТ КОМАНДУЮЩЕМУ ВМФ СССР в выделении 150 миллиардов рублей на принципиальное обновление надводного флота. В связи с этим Хрущёв потребовал от адмирала гарантий в ПОБЕДЕ над американским флотом. Примерно аналогичные решения Генсек принял и по производству танков и самолётов. Ставка была сделана ТОЛЬКО на ракеты: на подлодках и в береговой охране. В итоге многие корабли, особенно линейные оказались запертыми в собственных базах.

Как и следовало ожидать, – неоправданная для экономики СССР политика милитаризации зашла в тупик. Но так можно заключить сейчас. А тогда всё было куда непонятнее и неразрешимее. Ко всему мир стал исключительно зыбким. Но самое важное, пожалуй, было избежать перерастания войны холодной в войну горячую. И это удалось! А пока жизнь шла своим чередом.

Предтеча выхода в люди

В феврале волки гуляют

Эх, жизнь!

Уж не знаю о судьбе моих закадычных друзей, только зимой 1956 года, в феврале, в самую пору гильбы волков я всё-таки ушёл на самодельных лыжах из Руслановки, взяв у бабушки из сундука 100 рублей из наторгованных осенью на картошке денег и лепёшку. По совести я эти деньги не украл. Садили, копали картошку и торговали ею вместе. И взял-то я лишь малую часть. А вот бабушку я больше не увидел. Она умерла с горя через год. Её последние слова были: «Где ты, краля моя!» Ей было 98 лет. Конечно, мне очень жаль мою бабушку. Но я уже ушёл в большой мир. Навсегда.

Путь лежал в райцентр. Лыжи скользили по санному следу без помех. Волки если где и были, то у дальних колков, да и сытые они в этом году были: зайцев расплодилось – тьма! Дарёная финка как и прежде в похождениях, была у меня собой.

«Вот приду к дядьке. Он примет на день – два. А дальше куда?» И думы мои были далеко не весёлые. Ведь шестой класс я так и не закончил, ко всему заветную справку для паспорта не получил. Дядя Коля был крупным шишкой – заготовителем, и знал ещё до фронта моего отца. Но как быть со школой и справкой? Надо сказать, что паспорта на руках в колхозе имели 3–4 человека., среди них моя бабушка, как единоличница, председатель, да, разве что, почтальонша. А пресловутые справки имели хождение на уровне паспорта. Ко всему лет мне было 13, то есть для получения паспорта маловато. Ни поехать куда, ни пойти даже в соседнее село колхозник моего возраста «де юре» не имел права. Это угнетало по сути: вроде прорехи в законе, но с двойной запретной заплатой.

Хотя дядя Коля в Азово не стал себе морщить лоб в связи с внезапным появлением деревенского племянника, а переправил меня к другой сестре – тётке Тане. Благо, она работала народным судьёй в другом районе и выправлять бумаги ей не впервой. А родненького племянника она тут же отгородила от своих сыночков подальше. Муж Татьяны Петровны дядя Дима одарил мою персону некими белыми подштанниками с чудным названием – «кальсоны». А два образованных братика начали усиленно приучать меня к гражданской жизни. Пошли сплошным потоком запреты: не курить, не материться, не трогать спиртное, не сморкаться на дорогу, застёгивать ширинку, заправлять рубаху поверх кальсон, завязывать тесёмки на кальсонах и не пинать кошку. Конечно же, запретов было гораздо больше и они росли как снежный ком с горы. Так что вскорости мой прохудившийся юридический «Сидор» был надёжно заплатан. А в школе мой «хенди Хох» (руки вверх) поменяли на французское «пардон, мадам». И даже купили портфель. Так что к весне мне светило «неполное среднее образование» и «четвёрка» по поведению, что приравнялось по тем временам чуть ли не к судимости. Но по настоянию Татьяны Петровны мои «фортели» были как бы спущены в Лету и преданы забвению мои драки и нецензурщина. Наряду с этим встал вопрос, куда девать новоявленного «агнца» куда подальше от досточтимых братиков. В связи с возникшей проблемой Валерика, то бишь меня, приняли в комсомол уже как «достойного» пионера. Тут же по инициативе тёти Тани мне спроворили комсомольскую путёвку на мебельную фабрику в город (куда подальше). Всёлогично: на кой чёрт ей пятый рот в семье, да ещё отпетый хулиган и матершинник. И полетел я сизым голубем напрямик в Омск. Вначале в ОблКВЛКСМ, откуда с немалым скандалом- на мебельную фабрику. Минуя ремесленное училище, но с третьим разрядом. Это озадачило моего начальника участка Козлова: мне разрешалось работать лишь до обеда и то под наблюдением глухонемого наставника(других не было). А в вечерней школе, куда меня тут же определили, моими одно-

классниками были сплошь фронтовики. В буфете, в подвале, рядом с раздевалкой торговали пивом и водкой на разлив.

Были и казусы. Лёня Славский, бывший командир полковой разведки, кавалер не менее пяти орденов, инвалид войны имел обыкновение второй урок сидеть в буфете. На первом он считал выручку за штрафы по электричеству. На третьем часе он мирно посапывал на парте. И никто его не беспокоил: заслуженный человек! И случилась как-то подмена преподавателя именно на третий час. По закону подлости Славского вызвали к доске. Вышел-то он браво, но, пройдя две-три парты, опять прикорнул. Учитель в испуге вызвал скорую. Смеху было на всю школу. Но водку продавать не стали, только пиво и газировку. Я в классе был вроде сына полка. Но списывать давал всем.

Почти так же ко мне относились на фабрике. Немых на фронт не брали, бендеровцев – тоже. А фронтовики, по большей части калеки, держались особняком. Некоторые немые умели говорить, хотя и каверкано. Не совсем внятно, но к их манере «говорить» привыкали. Они же читали по губам и жестикаляции. Много из такой «речи» на пальцах помнится и поныне. Но мастера они были отменные. Халтуры в работе не терпели. Наверное поэтому ОТК в столярном цеху не было. Сейчас бы это назвали самоконтролем, а тогда попросту престиж работы: ты не столяр, коли не знаешь и не умеешь толком. И весь инструмент, включая пассатижи и зубила, свёрла-перки, стамески и долота делали сами. Я же работал купленным в магазине рубанком. Немой Парыгин долго наблюдал за моими потугами с инструментом, естественно, молча. Так же молча забрал рубанок и вышиб киянкой железку. Остриё попробовал о ноготь, произнёс гортанно: «Держи! Кароша джелеска! А эта калодка – гамно! Нез-зя дработат гамно.» И перерубил топором для брака колодку пополам. Взял меня за руку и повёл к своим шкафам – шифоньерам с инструментом. Достал оттуда буковую заготовку для рубанка, подал. Сказал при этом: «Держи! Тмотры мой рубанак и дэлай таки. Мецац дэлай, два но дэлай карашо. Гамно нэ работай!» Конечно же, пришлось купить другой рубанок: работать-то чем? Но прятал его от Парыгина, хотя тут же приступал к новой колодке. Приходил на работу часа в 4–5 утра, чтобы до обеда хоть что-то заработать. Прихватывал и обед. Постепенно САМ сделал свой инструмент. У нас даже кузница своя была. Школа художественного мастерства по дереву и шпону являла собой совершенство. Делали из столешниц целые панно. Много из тогдашнего теперь утеряно и почти безвозвратно.

Не забыть, как тот же Козлов пёкса о сохранении столярного искусства краснодеревщиков, вот только жаль, что не многими он был понят. Может и мной тоже. Видел Козлов мои старания и любовь к дереву. Уговаривал идти учиться в институт за счёт фабрики по деревообработке и мебели. Я же, окончив вечернюю школу, поступил в авиационный институт... Вряд ли тогда мыслилось, что есть СУДЬБА. Много, конечно, вершит человек сам, но есть нечто выше его чаяний.

Хрущев, кукуруза, ракеты и служба

Говорят, что на могиле Никиты Сергеевича Хрущёва стоит изваяние из двухцветного гранита: чёрного и белого. Пожалуй, что скульптор очень даже символично отобразил в памятнике смысл деяний тогдашнего руководителя советского государства: белые и чёрные. Несомненный позитив, тогда мало кем воспринятый и сумбурный негатив его деяний, породивший массу негодований в народе и у его ближайших соратников. Вроде весьма благое дело – дать простому люду жильё, переселить их из бараков и хибар в цивилизованное, пусть относительно, но жильё. Оно цело и по сей день: совмещённые санузлы с ванной, низкие потолки.

Анекдот: Хрущёв совместил ванную с туалетом, потолок сблизил с полом, была мысль соединить в один трубопровод водопровод и канализацию. Не успел.

Сократил непомерную армию, двинул миллионы людей на целину, сделал миллиардные вложения в оборонку, непомерно поднял налоги. Опять стих на вагоне товарняка:

«Дорогой товарищ Сталин, на кого ты нас оставил!

У Никиты, мудреца, хрен попьёшь теперь винца!», а внизу приписка: «Везите до Москвы, не стирайте!»

Хотя надо всё-таки отдать должное Н. Хрущёву как хозяйственнику государственного масштаба. И, если И. Сталин решал глобальные вопросы через ГУЛАГ, то Никита Сергеевич ставил вопросы и решал их почти по демократическому принципу: накормить, дать работу и жильё. Причём не за колючей проволокой и с тюремной баландой, как действовал Иосиф Джугашвили, а на свободе. Не хватало хлеба, мяса, молока... Белый хлеб давали по рецептам врачей. Ко всему появились совершенно необоснованные лозунги: «Догоним и перегоним США по производству мяса, молока...» Хотя откуда взяться всем этим продуктам, коли нету должного уровня сельхозпроизводства. Появилось сотни анекдотов: «По мясу и молоку хреном проволоку!»; в Москве – «Мосмясо», «Мосхлеб»; в Одессе «Одэмясо», «Одэхлеб», а в Херсоне, говорят, и того хуже». Началась «эра кукурузы», якобы универсального продукта для населения и... скота.

Но совершенствовалось и испытывалось ядерное оружие – залог государственной безопасности. Строились ракеты, танки, самолёты.

До половины, если не более населения «работали на войну». СССР всё глубже втягивали в гонку вооружений. Во всемирной атмосфере уже не просто пахло, а чадило ядерной войной. Не мог СССР, имеющий почти трёхкратное экономическое отставание от США и стран НАТО, превзойти их по вооружению и армии. Да и не было устоявшейся военной доктрины.

Для надёжной охраны и обороны водных границ Советского Союза требовались современные авианесущие корабли, ракетносные субмарины, самолёты дальней авиации и многое другое. Плюс внутригосударственные проблемы. Но Н. Хрущёв отказывает командующему ВМФ СССР в выделении 150 миллиардов рублей на принципиальное обновление надводного флота. В связи с этим Хрущёв потребовал от адмирала гарантий в победе над американским флотом. Примерно аналогичные решения Генсек принял и по производству танков и самолётов. Ставка была сделана ТОЛЬКО на ракеты: на подлодках и в береговой охране. В итоге многие корабли оказались запёртыми в собственных базах.

Год 1964 и события к нему

Н. Хрущёву преподнесли «пилюлю»: «Наши учёные создали противоракетную ракету и тем самым решили задачу уничтожения ракет противника в полёте» Это был доклад тогдашнего Министра обороны Р. Я. Малиновского. А в районе озера Балхаш наши ПРО (противоракетная оборона) успешно поразили свою же БСРД (баллистическая ракета средней дальности) СС-4. Этот ракетный триумф дал основания к уничтожению как нерациональных, больших линейных кораблей. Как бы изживших себя. Авианесущие корабли, даже как основа АУГ (авианесущая ударная группа) сочли анахронизмом века. Такая вот создалась чуть ли не доктрина века. Американцы, блок НАТО довольно быстро опровергли её, заперев своими АУГ наши базы ВМФ. Дать стратегический простор ВМФ, а особенно нашим субмаринам могли лишь корабли иного класса: плавбазы автономного плавания для атомных субмарин в первую голову.

В декабре 1960 года Комитет начальников штабов США утвердил первый вариант «Единого комплексного оперативного плана» в ядерной войне против СССР на 1962 год. Уничтожению подлежало 525 млн. чел. В Белом доме начались прения о целесообразности действий. Ко 2 августа 1964 года начались Тонкинские события, а иначе-Вьетнамская война. В ней в последующем «де факто» и «де юре» принял участие и Советский Союз. Всё более назревал

военно-морской конфликт в Атлантике. Куда более опасным, а по сути ядерноопасным грозил стать Карибский кризис.

Вот в такой обстановке нас призывали на военную службу. Но никто нам особо не разъяснял «политический момент». Всё шло как бы своим чередом: повестка, призыв, учебный отряд, корабли. А далее – по приказу.

В 1963 году Хрущёв поставил цель – снять жилищный голод и перейти на строительство 9 и 14 этажных жилищных домов.

Хрущёв, когда освоился с военными делами, понял, что будучи втрое слабее США экономически, мы не можем балансировать в производстве и модернизации вооружения на равных. Выход один: делать ставку на межконтинентальные ядерные баллистические ракеты и оснащённые ими подводные лодки. Шёл год призыва 1943–1945 гг. Не хватало хронически призывников: в военные годы рождаемость была по сути эпизодической. Решено было отменить все отсрочки от призыва. Стали брать на службу и всех студентов, практически без исключения. И, что удивительно, мы, выросшие в послевоенное лихолетье, обладали достаточным для военной службы здоровьем, особенно деревенские ребята.

Итак, осень 1964 года, 6 сентября вышел Приказ Министра обороны СССР Р.Я. Малиновского о призыве на действительную военную службу лиц 1944–1945 годов рождения. Нас призвали и везут на Дальний Восток. До Байкала нам как-то не особо верилось, что предстоит как минимум 3–4 года быть военными со всеми вытекающими последствиями. Стихли песни и анекдоты. Каждый пытался осмыслить ситуацию в одиночку. Так проехали Хабаровск, Уссурийск... Ночью прибыли на Вторую речку, в полуэкипаж Владивостока. И, скорее всего, к 64 году следует отнести наше воинское крещение. Нас смяли морально, скомкали духовно, обезличили, унизили в человеческом облике... Одежду без разговоров содрали. Всё свалили в кучу в неких пропарниках, где шапки, ботинки и перчатки, а заодно и кожаные куртки и полушубки из того же материала становились на 2–5 размеров меньше. Поди, попробуй одеть такое сызнова! Мало того, нас самих пропарили до умопомрачения. Представить невообразимо, как всё это «обработанное» одеяние мы смогли натянуть вновь на себя. Благо, у многих нашлись ножи и вещи пороли нещадно под «размер». Шапки, сапоги, ботинки, куртки резались так, что владельцы их казались многолетними татями-неудачниками, не то разбойниками с большой дороги. Хохот стоял невообразимый. Ведь самая наша незаурядная фантазия не могла представить эдакое наше преображение! Разве что жалкое подобие пленных немецких войск под Сталинградом. Некоторые вообще шли босиком (попробуй натянуть усохшую до 35 размера обувку 42-го растоптанного до термообработки) и без головных уборов (ведь одевали всё, что достанется из найденного в куче «обработанного» шмутья... Никого из начальников это не интересовало. А ведь утренний морозец был далеко не «лёгкий». Прибыли в полуэкипаж. Нары, то есть голые доски в два яруса и суконное одеяло одно на троих. Но вначале нас почти пару часов держали на ночном холоде после бани-санобработки: зачитывали посписочно.

Прощай, авиация!

Первыми к нам и на нас обратились с подобием внимания старшины-срочники полуэкипажа. Мы-то принюхались за ночь к запаху от нашей братии в казарме, но для вошедших утром с улицы... Квадратный старшина-годок, то есть четвёртого года службы выматерился этажей эдак на десять и заорал: «Па-адъём, долбанная публика-ай». И тут же выскочил на улицу, распахнув двери. Невообразимый смрад из хлорки, карболки, пота и газовых продуктов жизнедеятельности вышибал слёзы. Уже не ожидая команды, мы сами распахнули окна. Лишь после этого вошёл офицер с ещё тремя старшинами. Сквозняком выдуло хотя и вонючее, но тепло. Не помогали и те пресловутые одеяла «одно на троих». Окна всё-таки закрыли. Отобрав из наших оборванцев относительно одетых, матросы увели их в какую-то «каптерку».

На гражданском языке это означало склад военной одежды. И наши знакомцы принесли то, что когда-то было формой, скорее всего со времён русско-японской войны. Такая у неё была степень изношенности. Но одели и обули всех. Теперь в строю стояли как бы матросы в шинелях, бушлатах и рваных тельняшках, а то и вовсе в исподнем с завязками. Тут же соседилась те, кому достались шинели авиаторов и в танковых шлемах. Господи, были бы в те времена видеокамеры, вот где был простор для любителей поснимать юмористическую «клубничку». В принципе, брали и одевали под общий хохот всё, что удавалось подобрать из пополняемой кучи. Как бы там ни было, но мы заботу оценили: согрелись и не так воняло.

Снесли мы своё рваньё на свалку, а заодно подмели двор. Завтракали и обедали по тому же принципу, как и одевались: кому чего достанется. Благо, кружки и ложки у нас были с собой. Навести среди этой разномастной толпы даже элементарный порядок было немыслимо.

Первыми отделили тех, кому предстояло служить в морской авиации и подводном флоте. Мне изначально предписали авиацию. Появились «покупатели» – старшины и офицеры морской авиации. Они в одночасье растусовали нашу вольницу на некие отделения и без предисловий повели по кабинетам медкомиссии, хотя в сопровождавших нас карточках вся эта кухня уже значилась. Меня сержант Лёша «произвёл» в командиры отделения. Задача несложная: распинывать мне подобных по кабинетам. А потом всех скопом – на мандатную комиссию. Председательствовал капитан 1-го ранга, заместитель-подполковник морской авиации. Меня даже на «морзянку» проверили, а Лёша авансом записал в художественность. Казалось, что жизнь моя налаживается как по маслу и служить всего 3 года!

А тем временем подходила моя очередь среди голых задниц призывников на мандатную к подполковнику: «Фамилия? Звать – величать? Образование 3 курса политехнического...», на этой фразе каприз выхватил мою папку: «Стой-ка, подполковник! Этот гусар пойдёт ко мне на лодку!»

Наступил момент для моего «последнего слова»: «Да не пойду я на лодку, я в авиацию...» И тут я услышал самый настоящий морской мат: «Да ты, твою в душу с перековыркой, да жареных... тебе..., в бога, Христа и вымбовку в зад...» Стало бесповоротно ясно, что не летать мне под облаками и ждёт меня учебка с гальюнами на сопке и перспективой на 4 года службы. Моим землякам из Омска «повезло» одинаково. Мне лишь барокамеру на давление предстояло перепройти. А поутру, задолго до рассвета нас вели пешком через Владивосток, «город нашенский» в учебку подплава.

И опять нас никто не удосужился запечатлеть, хотя зевак было полно и смеха – тоже. Ещё бы: не каждый день увидишь эдакое разношёрстное действо! По мере продвижения к месту дислокации, а именно – к «Дунькиному пупу» (наименование сопки) наша колонна всё более преображалась в нудистскую. Вырвут клоч штанов на заднице и ржут синхронно с аборигенами.

В казарму шагом марш!

Построили прямо перед баней. Проверили по спискам и айда в непролазный туман раздевалки. Содрали всё, что не удалось по дороге. Далее стригли так, что летели клочья волос до потолка. Дали по дольке хозмыла и тазик на двоих. И всё! Более мы не штатские. После помывки одевали абы как: «Кому чего не подходит, поменяйтесь в казарме или у баталера!» Полубрезентовые синие робы скрипели, бескозырки вращались с учётом будущей шевелюры. Густой духман от яловой кожи прогар шибал в нос. Далее шло обучение необученных шить, подшивать и вообще держать иголку в руках. Мат стоял невероятный-признак того, что иголка чаще попадала в палец, нежели в подшиваемую штанину. Подписали таблички для коек. Посыпались первые наряды «вне очереди» от старшин-срочников и особняком от старшины роты мичмана Баштана с 4-мя классами образования. Любимой фразой у ветерана ВОВ была: «Шо,

дуже грамотные?! Вашу мать!! Я з вас выучу!» И учил. В основном пинками в область копчика. Промахивался редко. Очень злился, если визави успевал отвернуть свой зад. Более не дрался никто. Да и Баштан поутих, ограничившись писунами за казармой. А когда ветер дул в сторону Малого Улисса, то жители в изрядной округе вдыхали аромат мочи, настоящей на тройном одеколоне. Удивительно гадкий симбиоз. Уж лучше что- то одно. Но старшина был неумолим: пойманного писуна посылал в лавку за Тройным с последующим окроплением годами заливаемой мочой почвы.

Так получаются подводники

Заткнись и подчиняйся!

Как уж там согласно картографии и фортециям Владивостока, но наш учебный отряд подводного плавания находился на... Дунькином Пупу. Так местные именовали сопку, на которую мы взлезли цыганским табором сроком на 8 месяцев. Дабы спуститься с вышеуказанного «пупа» через указанный срок военморами подводного плавания. Не ведомо, почему всё-таки именно мы, а вернее наша партия поставки оказалась в по сути идиотской и умопомрачительно смешной ситуации на плацу школы подплава. Нас выстроили в той самой «форме одежды», в коей мы изумляли горожан, свершая исключительно зрелищный переход, огибая неспешно, даже бравадно побережье бухты Золотой Рог. Это даже представить невозможно, а увидев, надорвать живот от смеха. Но попробуем описать хотя бы одного-двух эдаких залётных «гвардейцев» от «кутю». «Лот» № 1. На голове – не-то танковый, не-то авиационный шлем. Изпод обшлагов черной шинели, украшенных голубыми авиационными петлицами, выпячивается солдатская исподняя рубаха. Галифе от батьки Махно завершались кальсонами Яшки – артиллериста. Флотские прогары с ремёнными шнурками завершали «ансамбль». «Модель» шла сгорбившись, прятая озябшие руки в явно короткие рукава шинели.» Лот» № 2 «сувенирный» Он выглядел так: рваненькая лыжная шапчёнка «элегантно» торчала в районе ушей пограничной фуражки. Флотский бушлат без пуговиц, подпоясанный едва ли не бандажным поясом и рваный тельник под ним, галифе кавалериста(их почему-то было очень много, для выполнения функции брюк, случались и бриджи, но без подтяжек), сапоги кирзовые на борца сумо. Ко всему «модели» сами довершали одевание мелкими штучками- дрючками в виде некоего жабо или кашне из кальсон. Сопровождающие старшины и офицер шли поодаль от нас, да настолько, чтобы встречные не сочли их соучастниками. Но уж насмеялись-то они вдосталь. Ведь по сути мы были ещё гражданскими. И никакие уставы – приказы на нас не распространялись. По ходу дела мы сами отрывали у визави ту или иную деталь одежды, например на заднице.

Так вот на плацу нас распределили по школам, а в школах – по ротам. К поименованным тут же подходили отрядные старшины и выявляли таланты. Столяры, художники, чертёжники (я подался в эту когорту, хотя был столяр – краснодеревщик, но потом сгодилось и это). «Таланты» освобождались от строевых занятий и НАРЯДОВ, в том числе от внеочередных, которыми впоследствии меня щедро одаривал наш старшина роты мичман Баштан. Его очень изумляла наша разница в образовании. Ему перепало до войны завершить 4 класса. И он, смакуя слова, говорил: «Шо, дуже грамотный?! А вот тебе, грамотей, наряд на гальяон дравить!» Но, к великому сожалению (а то может и неутешному горю) Баштана, признанного лучшим строевиком Владивостока(чем ужасно кичился мичман Баштан), его подопечный чудным образом уходил от наказания. Его надёжно опекал замначшколы ПО СЕКРЕТНОЙ части и опальный «грамотей» преспокойно чертил схемы устройства АПЛ для наглядных пособий. Там же РЕГУЛЯРНО получал поощрения. Баштан долго вынести постыдное для его престижа (Лучший строевик!!) недоразумение не мог уже чуть ли не физически. И дошло до банальной драки при закрытых (им же) дверях каптёрки. Победила молодость и здравый смысл. То есть я с двумя утюгами в руках, один из которых пустил в неприятеля. Таковой ретировался но отнюдь не строевым шагом. После случившегося (а об инциденте не доложили мы оба) мичман **ВООБЩЕ** перестал меня замечать. Как, впрочем, и Петю Сапунова-лучшего рационализатора школы (тоже «дуже грамотный», студент Новосибирского университета, физик). Жаль, но его

распределили в Обнинск и наши пути разошлись. Но «Устройство АПЛ» и «Лёгководолазное дело» мы, «talанты» и «умники» посещали и сдавали, причем, только на отлично.

Конечно же, не так всё было гладко и благопристойно. Вот хотя бы один случай «самохода», то есть самоволки буквально перед распределением по кораблям и частям. И было это в разгар купального сезона в бухте Патрокл. А нам, морякам, даже искупаться не давали. Идиотизм! Тем более, что экзамены выпускные сданы... Идея!! На вешалах сушились робы старшин, одна была «главного». Её и втихаря «позаимствовали» на время. Одеваю робу, строю всех желающих и не трусливых (то есть абсолютно всех 30 человек курса «Р»). Лопаты, метлы (шансовый инструмент!) берём «на плечо!». Я командую (выучка при Омском драмтеатре и «школа» Баштана): «Становись!», «Рррррр!» «Смир-рна!!», «Шаго-ом ма-арш!!»

И пошли соколики по центру плаца, напрямиком к воротам: «Эй, ЧМО, хрена едло разинул (это вахте КП), салага, мать твою! Открывай! Да не мельтеши! Так-то!» и, обращаясь к строю: «За-а-певай!» «И ррррр, и ррррр, два, три! Запевала, твою в глотку, спишь?» И запевала горланил:

«За кормой бурун вскипает, в светлом зареве восток!! Раз- два!! Не частить!» И взвод химиков спускается куда-то вниз, как видно для работ на склады: «Главный повел, вроде из пятой роты!»-определился дежурный по КП. И лишь в одном его доклад был правдивым: «Повёл (якобы) главстаршина». Всё прочее под наветом известной на службе поговорки: «Инициатива наказуема». Излишняя суетливость, любознательность ни к чему хорошему не приводит: не любит это начальство. А главстаршина для матроса о-го-го какое начальство! А по сему «тырим» шансовый в бурьян.

Часа через два-три, перед ужином, накупавшись вдосталь в бухте Патрокл и разобрав в траве «шансовый инструмент», мы протопали опять-таки по плацу как на смотре перед 1 мая. Робу с погонами главстаршины повесили где и была: она теперь оказалась в одиночестве... Знал бы её хозяин, куда его форма одежды гуляла во время «сушки». И ещё более того: кто в его робе отдавал честь патрулю. Патрульные из морской авиации были восхищены бравыми подводниками, пропечатавшими при «равнении на-ле-во!» строевым шагом. Знал бы начальник патруля и его подопечные, кому фактически (самовольщикам) отдавали честь!

И был вторник августовского утра, когда нас в последний раз построили на плацу «Дунькиного пупа» Сугубо по доброй воле нас, пожелавших на Камчатку (там дисциплина помягче, но без увольнений) построили для выдачи документов об окончании Школы подплава № 1 и по 1 руб.05 коп за сутки на питание.

«Пойдёте на лайнере «Советский Союз», на Камчатке вас встретят. Дисциплину соблюдать!» Это было последнее наставление майора Костикова нам, теперь уже настоящим подводникам (как нам тогда казалось).

Экипаж – мой дом родной!

«Советский Союз», а в прошлом – немецкий суперлайнер «Великая Германия» доставил нас на Камчатку за трое суток. Оголодали мы безмерно: кормили раз в сутки кашей.

В дивизию АЛЛ (а в ней и было- то по тому времени две субмарины) нас среди лета доставили на ледоколе «Вьюга». Скорее всего из-за режимов «режимности», коими были утыкано тогда всё и вся.

Высадили на пирс, построили и тут же зачитали приказ о соблюдении военной тайны. А тайной оказалось всё: где служишь, на чём служишь, для чего служишь и вообще – кто ты такой – нельзя ни писать, ни говорить. Дозволялось лишь сообщать, что просто СЛУЖИШЬ и номер воинской части. Потом повели на камбуз плавказармы. По правде, за все трое суток перехода на «Союзе» мы оголодали более, чем изрядно. Здесь же было всё, чего мы и дома-то не видели никогда, разве что в ресторане. Кижуч, икра красная, масла СКОЛЬКО ХОЧЕШЬ, сгущёнка, буженина, молоко, мёд... К вечеру половина из нас лежали в санчасти. В принципе, совер-

шенно элементарное расстройство желудка от переедания. Было бы чему удивляться. Зато в последующие посещения камбуза мы вели себя очень даже умеренно. Не почувствовать себя в экипаже как дома было просто невозможно: койки в один ярус, никто не орёт «Па-адъём!», а дневальный, будто между прочим вещал: «Команде, вставать...» Можно было сходить в туалет, умыться, побриться и вполне успеть на физзарядку. За завтраком никто ничего не делил, все ПРОСТО ЗАВТРАКАЛИ. Кто чего и сколько хотел. И всё равно чуть ли не половина снеди оставалась нетронутой. Но... Дисциплина поддерживалась как-то само- собой. Без ругани и нарядов. Проспал подъём (кроме годков – им положено), – получи кружку студёной камчатской водицы за шиворот тельняшки, а зимой так и вообще выкинут в окно в сугроб. А уж снега на Камчатке наваливает до 3-го этажа казармы. Из такого сугроба к зарядке едва выберешься. А коли с кем конфликтовал и дело дошло до «мужского разговора», причём визави твой одноклассник по службе (!) то пожалте: замполит привозит по мешку боксёрских перчаток чуть ли не еженедельно. Хватает. Но твоя благостная жизнь иссякнет, если вовремя не сдашь на самоуправление и устройство АПЛ (атомохода) с закрытыми глазами буквально. Вплоть до списания из экипажа и отмены отпуска на родину. Так что сами пришедшие из учебки упрощивали старшин «погонять» по отсекам. А «гоняли» нас на совесть. Предметом же особого шика считалось проскочить между трубопроводами под пайолами (металлический настил в отсеке). Эдакое мастерство достигалось после полусотни, а то и больше количества тренировок. По началу вылазили как черти из преисподней и голышом. Одежду с сапогами приходилось оставлять в трюме между труб: они мешали проползти по трассе вообще, не говоря уж о нормативном времени. И это был цирк: испытуемые орали, матерились, просили «пристрелить, чтобы не мучаться». Но старшины были неумолимы. Даже странно, но позже мы удивлялись своей былой нерасторопности и неуклюжести. В робе и сапогах за считанные секунды ужом проникали между труб через весь отсек. И это лишь толика изо всей НБЖ (наставление по борьбе за живучесть). Прошли десятилетия (!), а тело как бы помнит каждый изгиб или колено тех труб под пайолами. Такого же автоматизма нужно было обязательно достичь в ЛВД (лёгководлазное дело), специальности и т. д. Из нас заново делали специалистов, но уже 1 класса. Ехать в отпуск со 2-м классом считалось юродством.

И вот первый выход в океан. Как бы там ни было, а устройство лодочного гальюна мы, «салаги» экипажа, знали «на ять». Чего явно не доставало старшему лейтенанту Швыдько, корреспонденту гарнизонной газеты (настоящую фамилию и наименование газеты всуе поминать не будем), уж больно случай из ряда вон вонючий, хотя и не столь редкий. Вся беда в том, что старлей не возымел ко времени флотскую подготовку подводника, а тем более для участия в походе, пусть даже кратковременном: планировался недельный выход на стрельбы и совместную отработку задач с ВПК (большой противолодочный корабль) и другими кораблями. Видно сочли излишним обучать «сапогового» офицера (сухопутного) в авральном порядке хотя бы основам основ: гальюн, камбуз, ЛВД и НБЖ (лёгководлазное дело и живучесть ПЛ) ради одной статьи «о героических буднях подводников». Швыдько первые сутки «будней» описывал всё и вся взахлёб, приводя своим солдатским лексиконом команду в гомерический хохот. Жаль, но никому не пришло в голову, что по неведению старлей может «отмочить» куда более гадостный номер. Чести экипажу это не прибавило бы, узнай начальство о случившемся на берегу. На вторые сутки похода корреспондент появился в центральном отсеке с вопросом: «Не подскажете, где у вас ТУАЛЕТ? Не особо озадачиваясь, кто-то ткнул пальцем во второй (жилой офицерский) отсек правого борта: «Да вот он!». Лишь позже дошло: коли назвал гальюн «туалетом», то об устройстве его он и понятия не имел. А там был эдакий баллон, который следовало продувать от «вонького добра» воздухом приличного давления. А внешне унитаз вполне схож с аналогом в поездах: нажал на педальку и все дела. Так наш гость и поступил. В ту же секунду за шиворот его СРВ (спецодежда на АПЛ) вкатило всё содержимое баллона унитаза. В

общем, до конца похода наш корреспондент никому не надоедал. Но след за собой он оставил хуже радиоактивного.

Было и посвящение в подводники: пили забортную воду, но мы пили не из плафона, как это принято ныне, а из кружки типа пивной и с якорем. При демобилизации нам эти кружки дарили. А за свинчивание плафонов боцман наказывал на «вечную приборку»: где встретится ему нарушитель запрета, там тому и «шуршать приборку», а то и «Катьку ублажать». Последнее куда хуже. «Катька» весила килограммов под 150 и была отструганным чурбаном, оббитым старыми суконными одеялами. Конструкция имела 2-х метровую ручку. «Катькой» следовало делать движения «туда-сюда» по паркету и растирать мастику. И, если боцман говорил: «Что, по «Катьке» соскучился?!», то нарушитель превращался в «агнца божьего». Ибо амурные дела с «катькой» требовали энергозатрат куда больше, нежели акт с её тёзкой по жизни. Так что палуба в казарме блестела всегда. А вот кувалду при первом погружении, в отличии от нашего бывшего Президента Путина, не целовали. Не усматривали в эдаких неписанных традициях идеологическую подоплеку строителей коммунизма, коими нас видело начальство.

Неужели: «С заходом в заграничье?»

До прихода изрядного пополнения в наше соединение АПЛ за счёт субмарин с Северного флота, в автономные плавания ходили в основном дизельные ПЛ. Наша служба начала принимать разумные каноны. Хотя, скорее нам так казалось после муштры в учебном отряде. Где-то происходили «Тонкинские события», то бишь война во Вьетнаме, где «в результате атаки патриотов», «прошедших тропой Хошимина» взрывались прибрежные базы и хранилища сайгонских «припешников империализма». Кто были эти «патриоты» и какой такой тропой они проникали в по сути американские базы, мало известно как тогда, так и поныне. Но позже и мы пошли по «Тропе Хо-Ши-Мина». Узнали мы, что буквально у устья бухты Авача стоят американские корабли. А ещё, уже без приукрас, СТАЛИ понимать, что «холодная война» может в любой момент «погорячть» и даже очень. А подводники всегда были «целью № 1» для противника. Говорили о вредоносных действиях теперь уже бывшего Главы Правительства Никиты Хрущёва. Кольцо баз НАТО быстренько замкнулось вокруг СССР. Всё длительней становились автономные плавания, всё больше атомных субмарин пополнения приходило к нашим пирсам.

Прошёл слух, что будут набирать перегонную команду на какую-то новую плавбазу. И что эта плавбаза при кругосветке будет заходить в заграничье. Слухи множились, наезжая друг на друга, а то и вовсе опровергались. Конечно же, хотелось попасть в эту самую перегонную команду. Ведь кругосветка не каждый день случается... Сколько вечеров проводили на сопке у костра, обсуждая возможности оказаться в заграничье. Замполита ловили для «откровенной беседы» везде и всюду. В итоге только при упоминании о злополучной плавбазе, он буквально вопил: «Не знаю и знать не хочу ни о какой плавбазе! Кого надо, вызовут в Особый отдел КГБ!» Эта фраза чуть было не стоила бедолаге его должности. Оказалось, что весь наш трёп был предметом военной тайны! А нас чёрт понёс в КГБ: «А вот нам замполит сказал, что через вас можно попасть...» Ни меня, ни Валерки Зайцева и Сани Вахнина среди «ходовков» не было, возможно это и решило нашу участь: нас зачислили в теперь уже не в виртуальный, а самый, что ни на есть реальный экипаж. Так что теперь мы сами стали носителями той самой тайны, которой так и подмывало с кем-либо поделиться. У всех троих уже был первый класс овладения специальностью. Из экипажей лодок на приём и перегонку супернового корабля отбирали лучших: для себя же, в конце концов. Об остальных кандидатах из надводников вряд ли можно отозваться аналогично. Их, как показалось, спроваживали с кораблей по принципу: «На тебе, боже, что нам не гоже». Так что чуть ли не треть из «варягов» отправили восвояси, а то и на гарнизонную гауптвахту-«кичу».

Последняя автономка

Когда начали грузить провизионки и прочие цистерны горючки и питьевой воды, нам было ясно даже на сколько суток идём. По банке сгущёнки на сутки на брата, либо бутылка вина на бачок- вот и вся арифметика. 10–12 бутылок на сутки. 15 ящиков – месяц похода. Вот и спрашивали у вахтенного: «Сколько пузырей сегодня загрузили?» 50 ящиков- автономка по полной программе. Ракеты в шахты грузили всей командой и ночью. Торпеды-днём, без маскировки. Дифферент на корму (лодка «присядает» на корму) и получай носовой отсек в аппараты и на стеллажи! Весь БЗ (боезапас) шёл с серьёзной маркировкой, без скидок на «авось».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.